

ЭЛЬЗЕНБЕРГ, ВОЛЬНЕВИЧ И ЛЕМ¹

Околовский Павел

Варшавский университет, Институт философии

В статье приводятся основные данные о биографии и философском наследии одних из крупнейших польских философов XX и начала XXI века. Вольневич был учеником Эльзенберга и неоднократно заявлял, что считает Лема одним из величайших философов нашего времени, Лем же на книжных полках с философскими трудами держал монографию Вольневича «Вещи и факты» (1968) и его же перевод (1970) «Логико-философского трактата» Витгенштейна.

Ключевые слова: польские философы, Эльзенберг, Вольневич, Лем.

Перевёл с польского с рукописи Язневич Виктор

1

Статью о Людвике Флеке Станислав Лем завершил словами: «До сих пор мы ощущаем в Польше нехватку таких имён и таких авторитетов, которые имели бы серьёзное мировое значение»². Это не значит, что, в отличие от других народов, у поляков недостаточно выдающихся людей. Но чтобы наступила желаемая «достаточность», помимо существования в нации гениев их «идеи должны циркулировать в обществе» (Флек) и постепенно проникать в другие нации. В наше время в мире циркулируют идеи, провозглашаемые кумирами и реализуемые правительствами и финансистами – не гениальные, а лишь политически и коммерчески полезные. Господствует плоский натурализм, особенно культ науки и постмодернизма.

Эльзенберг, Вольневич и Лем – эти три фамилии польская философия смело может предложить миру, поскольку они – обратимся к альпинистской терминологии – настоящие восьмитысячники. Правда, польское философское величие возникло, несомненно, благодаря Львовско-Варшавской школе, но это было сто лет назад. Тогда, когда Варшава была «Меккой логиков». В 2001 году недолголюбивающие нас русские издали «Всемирную энциклопедию: Философия»³ (Москва) со статьями об Айдукевиче, Котарбинском, Лесневском, Лукасевиче и Тарском (кроме них, среди сотен других, оказались ещё только Бохеньский, Ингарден и Лем). У них не было выбора – масштаб этих пяти фигур невозможно скрыть. (Татаркевич, из той же школы, является, пожалуй, величайшим историком философии XX века, но у него не было собственных идей, сравнимых с идеями Котарбинского).

¹ Статья впервые опубликована в журнале Семиотические исследования: Околовский П. Эльзенберг, Вольневич и Лем // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 4. С. 20–24. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-4-20-24>.

² См.: Лем С., Мясорубка (Людвик Флек) – статья в настоящем сборнике. (Здесь и далее примечания переводчика.)

³ Всемирная энциклопедия: Философия / Гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Минск: Харвест, Современный литератор, 2001, 1312 с. Это переиздание вышедшей ранее книги: Новейший философский словарь / Гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Минск: Изд. В.М. Скакун, 1999, 896 с.

Однако после Второй мировой войны поляки покинули мировую философскую арену. И так остаётся по сей день. На смену им пришли англосаксонские сциентисты и франко-немецкие герменевтики, а за последние полвека произошло слияние или мутация того и другого – широкая волна левацкого эмпириофидеизма от Докинза, Деннета и [Питера] Сингера до Дерриды и [Зигмунта] Баумана. Светский гуманизм, т.е. натуралистический культ науки и индивидуальной жизни («вера в человека»), господствовал во всей западной культуре, а не только в философии. (Философы Львовско-Варшавской школы всё-таки были благородными либералами, руководствующимися общественным благом, а не гедонизмом). Эта гегемония натурализма навсегда закреплена в успехах технологии и, через них, в тотальных притязаниях капитала и государства. Эльзенберг, Вольневич и Лем свободны от этого ига, а над испарениями философского мусора возносятся в небо, как Эверест, К2 и Канченджанга над уровнем моря. Не только они, конечно, но они, без сомнения.

2

По своей природе философия как совокупность позиций внутренне разнообразна и даже неизбежно противоречива. Ведь невозможно отдать предпочтение ни Демокриту, ни Платону, ни Фреге, ни Ницше. Определяемые этими фигурами оппозиции вечны. Первой разделительной линией внутри любой философии является отношение к метафизике – и оно делит её на натурализм и антинатурализм. Вторая линия – отношение к логике, разделяющее философию на рационализм и иррационализм. Вероятно, склонности к этим позициям в людях врождённые и будут проявляться всегда. Что ж, на протяжении двух с половиной тысяч лет в нашей цивилизации доминировала философия антинатуралистического рационализма, представленная величайшими: Платоном, Аристотелем, святым Августином, Декартом, Лейбницем и Кантом. Во времена романтизма на смену пришёл иррационализм, а в XX веке, наоборот, натуралистический рационализм (сциентизм и марксизм), которому противостоял иррационалистический антинатурализм (Гуссерль, Хайдеггер и Тейяр де Шарден). При традиционном (несциентистском) рационализме, но в современном стиле, из знаменитостей остался – можно сказать – только один Витгенштейн (из «Логико-философского трактата»). Но наши Эльзенберг, Вольневич и Лем придерживаются того же! Это платоники – совершенно уникальные для нового времени. Их также можно назвать *аналитическими экзистенциалистами*, чтобы подчеркнуть их особенность. (Формально или номинально Лем был натуралистом, но его склонность к метафизике не подлежит сомнению).

3

Хенрик Эльзенберг (*Henryk Józef Maria Elzenberg*, 1887–1967) получил хорошее образование в Швейцарии и Франции (Польша тогда была

разделена между Россией, Пруссией и Австрией). Он был студентом Бергсона и Рауха в Сорбонне и получил там докторскую степень в 1909 году. Потом он боролся за независимость Польши, а затем участвовал в войне с большевиками. Сразу после Рассела он усвоил непостижимую философию Лейбница (полонизировал «Монадологию») и прошёл хабилизацию⁴ по философии Марка Аврелия (в Ягеллонском университете, 1921). Прежде чем получить в 1936 году профессорскую должность в Виленском университете имени Стефана Батория (Эльзенберг был выдающимся специалистом по французской литературе, преподавал также французский, греческий и латынь), он сформулировал собственную философскую систему, ограничивавшуюся, впрочем, аксиологией. По его теории ценности представляют собой конкретные сущности, существующие объективно и абсолютно (долг распространяется на каждого). Правда, можно выделить их две разновидности, а именно: ценности утилитарные (они относительны) и ценности идеальные, но особенностью человека, возвышающей его над природой (в плюс, но и в минус), является лишь доступ к последним. Лишь они придают жизни смысл. Утилитарные ценности являются лишь необходимыми условиями биологической жизни, хотя они могут быть удовлетворены на разных уровнях (гедонизм). Человечность, в отличие от человекообразности, по Эльзенбергу, состоит в реализации идеальных ценностей. В мировой литературе нет столь глубокой, тонкой и ясной аксиологии (Эльзенберг опередил, например, деонтическую логику фон Райта). В антропологии, будучи пессимистом и апологетом религии как таковой, он оставался «гностиком» – подобно Гоббсу, Хайдеггеру или Бердяеву: человек при таком подходе, независимо от интеллекта, иногда оказывается «свиньёй, но не дьяволом».

После 1945 года Эльзенберг был профессором Университета Николая Коперника в Торуне; в сталинские времена был уволен, но затем восстановлен в должности. Всего он опубликовал шесть книг и 130 статей, но почти половина его наследия сохранилась только в рукописях. Его «Проблемы с существованием. Афоризмы в порядке времени»⁵ (1963) относятся к канону польской литературы XX века, а возможно и литературы XX века в целом (в 2004 году книга была опубликована на немецком языке Карлом Дедечиусом – под названием «Печаль с существованием»⁶). Хотя Эльзенберг в целом идеологически чужд своим современникам, он

⁴ Хабилизация (от латинского *habilis* – способный, пригодный) – в некоторых странах (и в Польше) процедура получения высшей академической квалификации (хабилизированного доктора, в основном соответствующего доктору наук в России), которая даёт право на занятие профессорской должности в университете.

⁵ Elzenberg H., *Kłopot z istnieniem: aforyzmy w porządku czasu*. – Kraków: Wydawnictwo Znak, 1963, 465 s. В соответствии с названием книги приведём один афоризм автора: «Ничто так не отравляет воздух, как разлагающаяся дружба».

⁶ Elzenberg H., *Kummer mit dem Sein: Tagebuch eines Philosophen: Aphorismen und Gedanken aus den Jahren 1907 bis 1963*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004, 543 S.

загадочным образом чрезвычайно привлекателен для них – библиография его произведений и о нём Яна и Евы Зубелевичей насчитывает 280 страниц⁷.

4

Богуслав Вольневич (*Bogusław Wacław Wolniewicz*, 1927-2017) – ученик Эльзенберга, родился в Торуне – городе Коперника. В 1949 году, во время учёбы, он познакомился с «Трактатом» Витгенштейна, который наложил свой отпечаток на его мышление. Но можно сказать: Вольневич обязан Витгенштейну не меньше, чем Витгенштейн ему. Именно Вольневич построил из положений «Трактата» подлинно логическую систему – названную *онтологией ситуации* – и дал ей метафизическую платоновскую интерпретацию (его работа для хабилизации: «Вещи и факты»⁸, 1968). Без Вольневича ранг Витгенштейна в философии не был бы таким высоким. (В отличие от Эльзенберга и Лема, Вольневич творил ещё и в области формальной логики). Используя в качестве инструмента онтологию ситуации, он обратился к важнейшим вопросам: философии человека и ценностей. Он расширил аксиологию Эльзенберга, особенно концепцией антиценностей, добавив к ней содержательный раздел – фундаментальную критику норм современной цивилизации. (Параллельно Лему он подвергал сомнению *биолатрический пенталог*⁹ светского гуманизма, выступая – умеренно – за смертную казнь и эвтаназию, а также против аборт, трансплантации органов и вторжения в человеческие тела с помощью биотехнологий). В философской антропологии Вольневич возродил (фактически мёртвое на протяжении веков) *манихейство* прямо от св. Августина, св. Ансельма, Эдвардса и Шопенгауэра. Он утверждал, что среди людей есть существа дьявольские от рождения – без совести, т. е. без ограничения зла. Он также был в целом бескомпромиссным сторонником генетического детерминизма, хотя принимал лишь вероятностный детерминизм (миром правят судьба и случай).

Вольневич был горячим польским патриотом (что сегодня редкость среди профессоров), защитником Церкви и цивилизации Запада. И единственный, пожалуй, из выдающихся философов (наряду, возможно, с Расселом эпохи радио и газет), ставший звездой Интернета¹⁰.

5

Станислав Лем (*Stanisław Herman Lem*, 1921-2006), как и Эльзенберг, происходил из семьи ассимилированных евреев (его двоюродный брат, поэт

⁷ Zubelewicz J., Jasińska-Zubelewicz E., *Bibliografia Henryka Józefa Marii Elzenberga*. – Warszawa: Heliodor, 2012, 280 s.

⁸ Wolniewicz B., *Rzeczy i fakty: wstęp do pierwszej filozofii Wittgensteina*. – Warszawa: PWN, 1968, 221 s. Эту книгу Вольневича вместе с его переводом на польский «Логико-философского трактата» Витгенштейна (книга издана в 1970 году и многократно переиздавалась) Лем держал на книжных полках, подписанных «Философия».

⁹ См.: Околовский П., Технология и аксиология: биолатрический пенталог по Станиславу Лему / В кн.: Пятые Лемовские чтения. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020, с.90-95.

¹⁰ См. <https://www.youtube.com/@gosracjonalny8939> – цикл из более 100 лекций Вольневича в рамках проекта «Глас рациональный» („Głos Racjonalny”), записанных в 2013-2017 гг.

Хемар, даже был католиком и солдатом Армии Крайовой). Они добровольно и искренне приняли польскость, и вклад Лема в польскую культуру невозможно переоценить (он самый известный польский писатель всех времён и, вероятно, даже – наряду с Иоанном Павлом II – самый известный поляк). Лем не был академическим философом, хотя имел основательное и всестороннее образование. По этим причинам (а также по личностным) его разнородную и достаточно сложную философию трудно классифицировать. Сам он таких попыток не предпринимал, говоря лишь об общей близости к сциентизму – от которого он во многом дистанцировался, отвергая, например, идею прогресса, и признавая другое – первородный грех, или уважение к религии, особенно к римско-католической. Единственное, что у него было общего со Львовско-Варшавской школой, – это рационализм и принадлежность к широко понимаемой аналитической философии. Всеобъемлющую и детальную системную мысль Лема можно охарактеризовать как неолукрецианство. (Когда Лем узнал об этом определении его философии в 2003¹¹ и 2005¹² годах, он не протестовал и был даже рад¹³). Дискурсивные труды Лема в сотне пунктов поразительно напоминают «De rerum natura» Лукреция. И тезис о том, что космос управляется необходимостью и случаем, символичен для Лема, так же, как и для самого глубокого в истории материализма – эпикурейского. И как всякий натурализм, система Лема содержит многочисленные «естественные» противоречия (поэтому Лем отказался от стремления к системе; впрочем, безуспешно). И первое из них – аксиологический абсолютизм, настаивание на автономных ценностях – за пределами естественного обоснования. Лем первым предостерег от вторжения технологий в организм человека (в 1969 году¹⁴). В то же время он защищал западную цивилизацию, которая до сих пор олицетворяла максимизацию автономных, то есть совершенных, ценностей. Он также подошёл ближе всех в истории к созданию общей теории разума, но безуспешно. Однако он эффективно представил антропологическое манихейство (как, вместе с Вольневичем, только два других писателя XX века: Милош и Шаламов), обнаружив августинское предопределение в генах.

6

В 1959 году Эльзенберг писал: «Сегодняшняя ситуация в философии такова: можно либо плохо думать о важных вещах, либо думать хорошо и

¹¹ В статье: *Okółowski P., Stanisław Lem. – Edukacja Filozoficzna (Warszawa), 2003, nr 36, s. 103-128.*

¹² В статье: *Okółowski P., Stanisław Lem / W ks.: Polska filozofia powojenna. T.3. – Warszawa: Agencja Wydawnicza Witmark, 2005, s. 179-204.* Краткий конспект основных философских идей Лема из этой статьи Околовского см. в статье: Язневич В., Философ будущего Станислав Лем / В кн.: Четвёртые Лемовские чтения. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018, на с. 232-235.

¹³ О двух указанных выше в сносках публикациях Лем соответственно писал: «Околовский называет меня рационалистическим натуралистом с метафизическими продолжениями. Разные хорошие вещи написал этот автор и по вопросу моего положения на небосводе современной философии. Однако мне кажется, что с таким высоким местом он немного перебрал» (в 2004 г.) и «Мне как философу поют дифирамбы» (в 2006 г.).

¹⁴ В статье: Лем С., Видение философа на льдине / В кн.: Пятые Лемовские чтения. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020, с. 451-454.

строго о безразличных». Все трое это отрицали, размышляя очень ясно и системно о чрезвычайно важных вопросах. Сочинения Эльзенберга, Вольневича и Лема – литература высочайшего порядка, уважающая также и логику. Их мысль – тихизм – философия судьбы; может быть, и мрачно, но она даёт достоверные знания о том, каков на самом деле мир, а не о том, каковы наши представления и мечты о нём. Все трое, кроме своих теоретических работ, прославились ещё и своей великой практической философией – они были тремя *homo ethicus*. Они были трезвы в своих мыслях и смелы в своих взглядах и жизни. Их консерватизм, можно сказать, образцовый. Более того, Вольневич и Лем поддерживали христианство (в его традиционном, августианианском варианте). Глядя на Украину и Израиль, а ещё дальше на Китай, можно предположить, что наступают трудные времена. И мысль Эльзенберга, Вольневича и Лема соответствует таким временам, как некогда была таковой мысль Аристотеля и св. Августина.